

M. Polishchuk. Development of gender oriented advertising discourse. – Article.

Summary. *The article analyzes the linguistic features of advertising discourse with regard to the recipient's gender. Gender is currently the focus of interest in many disciplines, including linguistics. Gender certainly has a significant impact on the linguistic organization of written and oral types of discourse. Over the past decades, advertising discourse has also increasingly focused on the gender of its target audience. Gender-targeted advertising has lexical and grammatical features.*

Key words: *discourse, advertising discourse, gender, gender-oriented advertising.*

УДК 81'37:821.161.1

Т. Е. Суханова

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук
Национальный фармацевтический университет
г. Харьков, Украина*

Т. В. Крысенко

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук
Национальный фармацевтический университет
г. Харьков, Украина*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АНОМАЛИЯ И МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В ЛИРИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А. А. ТАРКОВСКОГО

Аннотация. *Статья посвящена исследованию лирических текстов А. Тарковского в аспекте реализуемой в них мифопоэтической семантики. В статье установлена связь мифопоэтической семантики как проекции в поэтическом тексте символов, образов, мотивов традиционной мифологии и мифологической модели мира с важнейшими семантическими характеристиками поэтической речи. Показано, что, с одной стороны, мифопоэтическая семантика может быть источником аномалий, а с другой стороны, что аномалии, представленные в поэтических текстах, приводят к актуализации мифопоэтической семантики.*

Ключевые слова: *мифопоэтическая семантика, семантическая аномалия, поэтический дискурс, модель мира.*

Мифопоэтическая семантика лирического текста соотносима с таким важным свойством поэтической семантики, как аномальность. Понятие аномальности и, соответственно, нормы очень важно для поэтической семантики, так как в поэтической речи выбор менее привычного варианта или даже формы, отклоняющейся от нормы, может быть средством выразительности. Понятие собственной нормы произведения было введено Б.А. Лариным и разрабатывалось такими исследователями, как Ю.С. Степанов, В.Б. Шкловский и др. С другой стороны, И.В. Арнольд, Б.А. Успенским, К. Шимкевичем, И.Я. Чернухиной и другими лингвистами также рассматривалось тесно связанное с понятием нормы другое важное для поэтической семантики понятие – «неожиданности», или «эффекта обманутого ожидания». Использование мифологических образов, мотивов, сюжетов – это использование того, что с точки зрения современного обыденного и научного сознания воспринимается как аномалия. То же можно сказать об использовании мифологической модели мира или ее фрагментов. В поэтическом творчестве именно поэтому мифологические образы, символы и т. п. – источник аномалий, и опора в поэтическом мышлении на мифологическую модель – источник аномалий.

На наш взгляд, подобные аномалии в современном поэтическом тексте выявляются на уровне дискурсивного фрагмента и проявляются в невозможности его истолкования (или даже понимания) без привлечения мифологических образов, целой модели мира или ее фрагмента. Мы предлагаем следующее определение *мифопоэтической по происхождению поэтической аномалии*: это мини-контекст или

достаточно большой фрагмент поэтического дискурса, который не поддается осмысленному истолкованию без привлечения данных о символике, топике мифа и мифологической модели мира. Соответствующий контекст для его истолкования должен быть включен в более широкий контекст мифического дискурса или в структуру мифической модели мира. В поэтическом дискурсе А. Тарковского семантические аномалии главным образом связаны с психическим миром человека и миром мифопоэтическим. Мы полагаем, что необходимо дать объяснение происхождению данных семантических аномалий и через это дать их толкование. В данной статье рассматриваются сложные семантические структуры, в которые входят семантические аномалии, благодаря чему выявляются способы создания художественного текста и появляется возможность его истолкования.

В лингвистическом смысле аномалия в поэтическом дискурсе А. Тарковского понимается как случай, когда некоторые фрагменты текста, будучи построены в соответствии с нормами формо- и словоупотребления, не поддаются истолкованию. Это достаточно большие фрагменты, к которым невозможно применить методику интерпретации тропов и фигур. Рассмотрим сначала аномальные фрагменты, которые можно было бы толковать как поэтические тропы (сравнения, аллегории и т.п.), однако целесообразным представляется привлечение символической семантики с опорой на мифологическую культуру. В стихотворении «Меркнет зрение – сила моя...» 1977 года семантическая аномальность связана с невозможностью интерпретировать высказывание применительно к устройству нашего мира: «*Меркнет зрение – сила моя, / Два незримых алмазных копья; / Глохнет слух, полный давнего грома / И дыхания отчего дома; / Жестких мышц ослабели узлы, / Как на пахине седые волы; / И не светятся большие ночами / Два крыла у меня за плечами. / Я свеча, я сгорел на пиру. / Соберите мой воск поутру, / И подсказжет вам эта страница, / Как вам плакать и чем вам гордиться, / Как веселья последнюю треть / Раздарить и легко умереть, / И под сенью случайного крова / Загореться посмертно, как слово*».

Приведенный фрагмент поэтического дискурса описывает завершение творческого пути. Представленный в начале текста параллелизм (зрение – два копья, узлы мышц – седые волы) находит далее продолжение, когда проводятся параллели между поэтом и свечой, а также между воском и страницей. Пока поэт творит – он свеча. Когда он оставляет свое творчество – от него (от свечи) остается воск (страница), который свече не равен, так как свечи уже нет, ничто больше не загорится. Однако если собрать этот воск – в нем то, что осталось после сгорания поэта-свечи. И если этим воспользоваться, то можно узнать нечто о жизни, смерти, творчестве. Собрав слова, страницы – воск, можно изготовить еще одну, хотя и меньшую, свечу и зажечь ее, а, следовательно, «загореться посмертно, как слово», вернуться к существованию после смерти.

У текста есть также символическое значение. Зрение субъекта поэтического дискурса – это его сила, возможность постижения, проникновения в недоступные обычному человеку сферы. Зрение – это «два незримых алмазных копья», то есть оружие как драгоценное, так и обладающее способностью вскрывать, взрезать самые твердые вещества. Слух поэта «полон давнего грома и дыхания отчего дома», символическим значением чего может являться память и полнота человеческого существования. «Два крыла» поэта соотносят его со сверхсуществами (ангелами, демонами, Пегасом и подобными), обозначая творческий полет мысли, вдохновения. Излучение крыльями света связано с горением и свечением свечи. Свеча-поэт сгорает, оставляя после себя слово, могущее обладать светом (ср. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог <...> В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» [Иоанна 1; 1, 4]).

Итак, от поэта-свечи остается воск // страница // слово. Слово же это обобщенно представляет поэтическую культуру переживания жизни, а также культуру отношения к жизни и смерти: «как плакать» – как выражать страдание, печаль и т.д.; «чем гордиться» – достоинство, трудовые, творческие свершения и подвиги; «как веселья последнюю треть раздарить и легко умереть» – как распоряжаться своим достоянием и умирать. И, наконец, «как <...> загореться посмертно, как слово», что может иметь различные истолкования. Первая версия: если Слово понимается как Логос, то оно обладает вечной жизнью в силу божественной природы. Задача человека – приобщиться к Слову-Логосу через собственные усилия. Вторая версия: Слово понимается как результат поэтического творчества. В поэтическое слово вложены такие духовные усилия, что оно жжет огнем, освещает путь и потому не знает смерти. Поэтическое слово преодолевает смерть, избегает небытия – горит после смерти.

С другой стороны, рассмотрение аномальных контекстов возможно на фоне привлечения традиционного мифа, что представлено в интерпретации нижеприведенного фрагмента: «*Я тень из тех теней, которые, однажды / Испив земной воды, не утолили жажды / И возвращаются на свой кремнистый*

путь, / Смущая сны живых, живой воды глотнуть. / Как первая ладья из чрева океана, / Как жертвенный кувшин выходит из кургана, / Так я по лестнице войду на ту ступень, / Где будет ждать меня твоя живая тень» («Я тень из тех теней...», 1974).

В данном тексте субъект поэтического дискурса А. Тарковского отождествляется с тенью, то есть существом потустороннего мира. Мифологические соответствия проявляются в том, что он не может утолить свою жажду земной водой и ищет «живую воду», которая, по всей вероятности, не тождественна воде земной. Аналогичные мотивы, представленные в традиционной мифологии, описаны у В.Я. Проппа, который сообщает: «Античные представления, связывавшиеся у древних греков с верой в загробную жизнь, соединялись, по-видимому, нередко с представлением о двух видах воды подземного царства, на что определенно указывают, например, южноиталийские таблички. Так, петелийская золотая табличка, вкладываемая в гроб покойнику, говорит душе скончавшегося, что в доме Аида она увидит два различных источника: один по левую, другой по правую руку. У первого растёт белый кипарис, но не к этому источнику должна она приближаться. Таблички велят душе обернуться направо, туда, где из пруда Мнемосины течет освежающая вода, около которой стоят её стражи. К ним должна обратиться душа и сказать: «Я изнемогаю от жажды! Дайте напиток мне!» [3, с. 197]. Анализируя мотивы, связанные с живой и мертвой водой, В.Я. Пропп высказывает предположение, что охраняемая вода является благом для умершего, так как дает ему окончательную смерть или право на пребывание в мире мертвых. Это объясняет, почему сказочного героя обрызгивают сначала мёртвой, а затем живой водой. «Мёртвая вода его как бы добывает, превращает его в окончательного мертвеца. Это своего рода погребальный обряд, соответствующий обсыпанию землей. Только теперь он – настоящий умерший, а не существо, витающее между двумя мирами, могущее возвратиться вампиром. Только теперь, после окропления мертвой водой эта живая вода будет действовать» [3, с. 198]. Обои видами воды пользуется человек, ступивший на путь смерти и желающий вернуться к жизни [3, с. 199].

Данный поэтический отрывок возможно истолковать как желание и поиск духовного контакта субъекта поэтического дискурса с потусторонним миром, миром теней. Субъект, отождествленный с тенью, испившей земной воды, которая не может удовлетворить ее «жажды», ищет «живой воды», дабы иметь возможность вернуться к сообществу живых теней. Семантика питья воды как действия ритуально значимого (ср. В.Н. Топоров: «мифологический аспект еды имеет свое продолжение в категории сакральной пищи» [4, с. 429]) является одним из мотивов приобщения субъекта поэтического дискурса А. Тарковского к указанному миру. Необходимо выделить мотив возвращения, который соответствует мифологическому возвращению к потустороннему миру, миру смерти. На это указывает также описанный в тексте «кремнистый» путь.

Упомянутое в вышеприведенном фрагменте движение субъекта, отождествленного с ладьей (из океана), и его же, отождествленного с жертвенным кувшином (из кургана), не выходит за рамки достаточно хорошо описанных погребальных ритуалов. Однако следует обратить внимание на то, что в тексте представлен не вход, а выход из океана и кургана. Очевидно, это объясняется тем, что описывается движение тени уже со стороны загробного мира, который физически противопоставлен миру живых: «когда на земле день, в загробном мире – ночь, у живых – лето, у мертвых – зима, умершие ходят вверх ногами, одежду носят наизнанку, их пища – яд для живых и т. п.» [2, с. 453]. Возможность такого истолкования подкреплена также дальнейшим движением субъекта вверх по лестнице, являющейся мифологическим образом «связи верха и низа, разных космических зон» [5, с. 50]. Кроме того, выходящая ладья определена как *первая*, что, на наш взгляд, также указывает на приобщение к миру смерти, к вечному, к сакральному, к воспроизводимому в соответствующем обряде первовремени.

Таким образом, здесь широко используется традиционная мифологическая символика, которая связана с обозначением способов и средств установления связи с потусторонним миром, приобщения к нему (через питье «живой воды»), достижения его через движение по пути, по лестнице, погружения через соответствующие обряды (собственно погребальные), с которыми соотносимы такие реалии, как *ладья, жертвенный кувшин, курган*.

Наконец, существуют случаи, когда анализ аномальных контекстов дает основание предположить, что в соответствующих фрагментах реализуется авторский миф: «*О, только бы привстать, опомниться, очнуться / И в самый трудный час благословить труды, / Вспоившие луга, вскормившие сады, / В последний раз глотнуть из выгнутого блюда / Листа ворсистого / Хрустальный мозг воды. / Дай каплю мне одну, моя трава земная, / Дай клятву мне взамен – принять в наследство речь, / Гортанию разрастись и крови не беречь, / Не помнить обо мне и, мой словарь ломая, / Свой пересохший рот моим огнем*

обжечь» («О, только бы привстать, опомниться очнуться...», 1965 г.). В приведенном фрагменте выделяются некоторые аномалии:

1) не ясно, не раскрывается в тексте, чьи имеются в виду труды;

2) траве приписываются следующие возможности: давать клятву; принимать в наследство речь; иметь гортань или разрастись гортанью; иметь кровь и по собственной воле не беречь ее; помнить или не помнить; совершать нечто со словарем поэта; иметь рот (пересохший); обжечь рот.

Нет иной возможности истолковать это, кроме как в первом случае предположить существование некоего мифического персонажа, который несет «труды, вспоившие луга, вскормившие сады». Во втором случае усмотреть подразумеваемую, развернутую антропоморфизацию травы, представление ее как иного мифического персонажа, способного одновременно быть травой (напрашивается аналогия с метаморфизмом мифологического характера) и тем «гением» травы, который может обладать названными свойствами и совершать обозначенные действия. При такой интерпретации текст воспринимается как осмысленный.

В момент перехода в иной мир – «в самый трудный час» (смертный час) для субъекта поэтического дискурса важными являются следующие действия: привстать, опомниться, очнуться – на мгновение вернуться в мир жизни; благословить труды – возблагодарить; признать прекрасным, разумным; одобрить то, что сделано [1, с. 94]; восхвалять, возносить, хвалить, величать, одарять любовью [1, с. 94]; глотнуть хрустальный мозг воды – приобщиться к миру природы. Поэту на переходном этапе от жизни к смерти необходимо получить некую воду, очевидно, чтобы приобщиться к природе, возможно, к разуму природы. Уходя из жизни, поэту необходимо знать, что то, что он творил, остается после него и входит в состав бытия, что природа (через траву как мифическое существо) принимает в наследство речь, которая будет и в будущем звучать (из разросшейся гортани) или впитываться (тою же гортанью), причем остается главное из того, что характеризует подлинное творчество: жертвенность (способность «крови не беречь», которая также наследуется травой) и огонь, обжигающий «пересохший рот» травы как мифического персонажа. Это важнее для поэта, чем память о нем как личности, чем сохранение в неприкосновенности словарного состава и формы его стихов. В индивидуальной мифопоэтической системе А. Тарковского подобные свойства поэт и обретает в процессе инициации (или чего-либо аналогичного ей), беря их «из клювов птиц» и «из глаз травы» (К стихам 1960 г.). Уходя, он все это оставляет траве – в целом природе, возможно, для следующего поколения поэтов или для того, чтобы придать природе одухотворенность и т.п.

Итак, перед нами чаще всего фрагменты, состоящие из правильно построенного высказывания или больше, чем одного высказывания, в связи с чем можно говорить об аномалиях в построении дискурса (дискурсивная аномалия, а поскольку речь идет о невозможности истолкования, то это дискурсивно-семантическая аномалия). Мы полагаем, что эти аномалии у А. Тарковского обусловлены мифопоэтическим характером его творчества и, соответственно, семантики его текстов.

Таким образом, семантические характеристики поэтической речи (поэтической семантики) могут быть соотнесены с мифопоэтическим ее аспектом. Действительно, особая семантическая упорядоченность возникает благодаря реализации в поэтическом тексте мифологической модели мира. Реализация в поэтическом тексте мифологем, символов, мотивов позволяет актуализировать дополнительный смысловой слой. И то, и другое ведет к большой семантической сложности и информационной насыщенности текста. Вместе с тем необходимость привлекать данные о мифологической модели, явно или скрыто актуализируемой автором, о мифологемах и всей мифотопике, за счет которой создается дополнительный семантический слой, возникает у читателя тогда, когда в поэтическом тексте появляются аномалии особого рода, обусловленные привлечением мифологических представлений, образов, моделей и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : Терра – Terra, 1995. Т. 1. С. 94.
2. Петрухин В.Я. Загробный мир. *Мифы народов мира: Энциклопедия* : в 2-х т. Москва : Советская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 452–456.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 368 с.
4. Топоров В.Н. Еда. *Мифы народов мира: Энциклопедия* : в 2-х т. Москва : Советская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 427–429.
5. Топоров В.Н. Лестница. *Мифы народов мира: Энциклопедия* : в 2-х т. Москва : Советская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 50–51.

Т. Є. Суханова, Т. В. Крисенко. Семантична аномалія та міфопоетична семантика в ліричних текстах О. О. Тарковського. – Стаття.

Анотація. Статтю присвячено дослідженню ліричних текстів О. Тарковського в аспекті реалізованої в них міфопоетичної семантики. У статті встановлено зв'язок міфопоетичної семантики як проєкції в поетичному тексті символів, образів, мотивів традиційної міфології та міфологічної моделі світу з найважливішими семантичними характеристиками поетичного мовлення. З'ясовано, що, з одного боку, міфопоетична семантика може бути джерелом аномалії, а з іншого боку, аномалії, наведені в поетичних текстах, викликають актуалізацію міфопоетичної семантики.

Ключові слова: міфопоетична семантика, семантична аномалія, поетичний дискурс, модель світу.

T. Sukhanova, T. Krysenko. Semantic anomaly and mythological and poetic semantics in the lyrical poetry of A. A. Tarkovsky. – Article.

Summary. The article is devoted to the study of the lyrics of A.A. Tarkovsky as for mythological and poetic semantic aspects. The links between mythological and poetic semantics as projected symbols, characters, motives of traditional mythology in poetic texts and mythological model of the world with important semantic characteristics of poetic speech are defined and grounded. It is shown, on one hand that mythological and poetic semantics may cause anomalies and, on the other hand, that these anomalies present in poetic texts bring to actualization of mythological and poetic semantics.

Key words: mythological and poetic semantics, semantic anomaly, poetic discourse, world model.

УДК 811.111'36

Г. В. Фінчук

кандидат педагогічних наук, доцент,
доцент кафедри суспільно-гуманітарних дисциплін
КЗВО «Рівненська медична академія»
м. Рівне, Україна

О. Д. Мельничук

кандидат філологічних наук,
доцент кафедри суспільно-гуманітарних дисциплін
КЗВО «Рівненська медична академія»
м. Рівне, Україна

РЕАЛІЗАЦІЯ ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧНИХ ХАРАКТЕРИСТИК АНГЛІЙСЬКОГО ДІЄСЛОВА *TO MAKE*

Анотація. У статті йдеться про реалізацію лексико-граматичних характеристик англійського дієслова *to make*, досліджується його лексична і граматична сполучуваність шляхом реалізації його окремих значень та функцій, висвітлюється лінгвістичне обґрунтування механізму утворення різних типів словосполучень із цим дієсловом.

Ключові слова: широкозначне дієслово, граматичні функції, дистрибутивна модель, семантичне поле, розмовна мова, газетно-публіцистичний стиль, науковий стиль.

Завдання опису лексико-семантичної системи мови висуває ряд проблем, однією з яких є питання про статус слів широкого семантичного поля, які через специфіку їхнього значення займають особливе місце серед інших лексичних одиниць.

Важливим є вивчення ролі лексичної і граматичної сполучуваності дієслова *to make* в процесі реалізації його окремих значень і функцій та лінгвістичне обґрунтування механізму утворення різних типів словосполучень із цим дієсловом, що являють собою моделі та виконують різні функції дієслова *to make* в розмовній мові (далі – РМ), газетно-публіцистичному стилі (далі – ГПС) та науковому стилі (далі – НС).

Аналіз драматичних творів англійських та американських авторів, газет і журналів Великої Британії та Сполучених Штатів Америки, а також наукових праць англійських та американських лінгвістів